

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие Женщины

Перевод с английского
и адаптация
М.Ю. Батищевой

Иллюстрировано
Е. Юдаев

Глава 1

Игра в пилигримов

Без подарков и Рождество не Рождество, – недовольно проворчала Джо, растягиваясь на коврике перед камином.

– Как это отвратительно – быть бедным! – вздохнула Мег, опустив взгляд на свое старое платье.

– Это просто несправедливо, что у одних девочек полно красивых вещей, а у других совсем ничего нет, – обиженно засопев, добавила маленькая Эми.

– Зато у нас есть папа и мама, и все мы есть друг у друга, – с удовлетворением отозвалась из своего угла Бесс.

При этих ободряющих словах четыре юных лица на мгновение оживились, но тут же омрачились снова, так как Джо сказала печально:

– Нет с нами папы и не будет, пока война не закончится...

Она не произнесла: «А может быть, никогда», но каждая из них добавила эти слова про себя, задумавшись об отце, который так далеко от них – там, где войска северных штатов сражаются с мятежниками-южанами.

С минуту все молчали; затем Мег заговорила другим тоном:

— Вы же знаете, почему мама предложила не делать друг другу подарков на Рождество. Она считает, что мы не должны тратить деньги на удовольствия, когда мужчинам так тяжело на фронте.

— У каждой из нас лишь доллар на карманные расходы. Вряд ли мы так уж поможем армии, даже если пожертвуем ей эти деньги. Мне не нужно никаких подарков от вас, но я хочу купить себе «Ундину и Синтрама». Я так долго мечтала об этой книге! — сказала Джо.

— Я собиралась потратить свой доллар на новые ноты. — И Бесс чуть слышно вздохнула.

— А мне просто необходима коробка цветных карандашей, — заявила Эми решительно.

— Мама ничего не говорила о наших карманных деньгах. Пусть каждая из нас купит что хочет, и хоть немного порадуемся! — предложила Джо. — По-моему, мы заслужили это тем, что так усердно трудились!

— Уж мне-то действительно пришлось нелегко — целыми днями учить этих надоедливых детей, — снова начала Мег жалобным тоном.

— Мне было гораздо тяжелее, — заявила Джо. — Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с капризной старухой, которая вечно недовольна и надоедает до такой степени, что ты готова выброситься из окна?

— Нехорошо, конечно, жаловаться, но я считаю, что мыть посуду и вытирать пыль — самая неприятная работа на свете. От нее руки делаются как деревянные, так что я даже не могу как следует играть гаммы. — И Бесс взглянула на свои загрубевшие руки со вздохом, который на этот раз услышали все.

— Ни одна из вас не страдает так сильно, как я! — воскликнула Эми. — Ведь вам не приходится сидеть в школе с

наглыми девчонками, которые ябедничают на тебя, если ты не знаешь урока, смеются над твоими платьями, оскорбляют тебя из-за того, что у тебя не очень красивый нос, и чистят твоего отца, так как он небогат.

— Если ты хочешь сказать честят, то так и скажи, а не говори об отце так, как будто он закопченный чайник, — посоветовала Джо со смехом.

— Ни к чему обращаться ко мне с таким старказмом. Это очень похвально — пополнять свой лисикон, — с достоинством парировала Эми.

— Не ссорьтесь. Ах, если бы у нас сейчас были те деньги, которых папа лишился, когда мы были маленькими! — сказала Мег, которая была старшей и могла припомнить лучшие времена. — Как бы счастливы мы были!

— А на днях ты говорила, что, по твоему мнению, мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, несмотря на все их богатство, так как они вечно ссорятся да дерутся.

— Ну да, мы действительно счастливее их, пусть даже нам и приходится работать. Ведь зато мы умеем повеселиться, и вообще мы «теплая компания», как сказала бы Джо.

— Джо всегда употребляет такие вульгарные выражения! — заметила Эми, укоризненно взглянув на длинную фигуру, растянувшуюся на коврик.

Джо немедленно села, засунула руки в карманы и засвистела.

— Перестань, Джо, это так по-мальчишески!

— Терпеть не могу грубых, невоспитанных девочек!

— Ненавижу жеманных и манерных недотрог!

— «Птички в гнездышке своем все щебечут в лад», — запела Бесс с таким забавным выражением лица, что все рассмеялись.

— Твои манеры, Джозефина, не имели большого значения, пока ты была маленькой, — сказала Мег, принимаясь за поучения на правах старшей сестры. — Но теперь, когда ты такая высокая и носишь «взрослую» прическу, тебе следует помнить, что ты уже барышня, а не мальчишка-сорванец. А что касается тебя, Эми, то ты чересчур чопорна и церемонна. Пока это просто смешно, но ты рискуешь со временем превратиться в глупую жеманную гусыню. Все эти твои нелепые слова ничуть не лучше, чем жаргон Джо.

— Если Джо — мальчишка-сорванец, а Эми — жеманная гусыня, то кто же я? — спросила Бесс, готовая выслушать упреки в свой адрес.

— Ты просто прелесть, — ответила Мег с теплотой, и никто не возразил ей, ведь Бесс была любимицей всей семьи.

Декабрьские сумерки медленно сгущались, за окнами тихо падал пушистый снег, в камине, возле которого с вязаньем в руках сидели четыре сестры, весело потрескивал огонь. Лежавший на полу ковер был старым и выцветшим, а мебель в комнате самой простой, но на стенах висело несколько хороших картин, шкаф был заполнен книгами, на подоконниках цвели маленькие розочки, и все вокруг дышало домашним уютом и покоем.

Маргарет, старшей из сестер, недавно исполнилось шестнадцать, и она была очень хороша собой: полненькая и беленькая, с большими глазами, мягкими темными волосами и белыми ручками, которыми она особенно гордилась. Пятнадцатилетняя Джо, высокая, худая, смутлая и немного сутулая, напоминала жеребенка, так как, казалось, совершенно не знала, что делать со своими длинными руками и ногами, которые всегда ей мешали. Длинные густые волосы были ее единственной красотой, но обычно она сворачивала их в узел

и укладывала в сетку, чтобы не мешали. К одежде своей она относилась равнодушно и производила впечатление девочки, которая стремительно превращается в женщину и очень этим недовольна. Элизабет — или Бесс, как все ее называли, — была румяная тринадцатилетняя девочка с гладкими волосами и яркими глазами, застенчивая, робкая, с неизменно кротким выражением лица. Она, казалось, жила в своем собственном счастливом мире, решаясь покинуть его лишь для встречи с теми немногими, кого любила. Эми, хоть и младшая, считала себя самой важной особой в семействе. Настоящая снегурочка с голубыми глазами и вьющимися золотистыми волосами, она всегда следила за своими манерами, стараясь вести себя, как юная леди.

Часы пробили шесть. Скоро должна была вернуться мама, и все с радостью готовились встретить ее: Бесс вымела золу из камина, Мег зажгла лампу, Эми вылезла из самого удобного кресла, хотя ее даже не просили об этом, Джо села, чтобы поддержать мамины домашние туфли поближе к огню и согреть их.

— Маме нужна новая пара, эти совсем сношенные.

— Я куплю ей на мой доллар, — сказала Бесс.

— Нет, я это сделаю! — закричала Эми.

— Я старшая, — начала Мег, но тут решительно вмешалась Джо:

— Пока папы нет, я в семье за мужчину, и я куплю ей туфли, потому что он, уезжая, велел мне заботиться о ней.

— Пусть каждая из нас сделает ей какой-нибудь подарок на Рождество, а для себя покупать ничего не будем, — предложила Бесс.

— Отлично, дорогая! Как это на тебя похоже! Что же мы купим? — радостно воскликнула Джо.

На минуту все глубоко задумались, затем Мег объявила, так, словно идея была подсказана ей видом ее собственных хорошеньких ручек:

– Я подарю ей пару красивых перчаток.

– Армейские туфли, лучше быть не может! – воскликнула Джо.

– Несколько носовых платочков, подрубленных и с меткой, – сказала Бесс.

– Я куплю маленькую бутылочку одеколona. Он ей нравится, и это будет недорого, так что у меня останутся деньги на карандаши, – добавила Эми.

– Отлично! За покупками придется пойти завтра после обеда. До Рождества остается совсем мало времени, а нам еще столько всего нужно подготовить для нашего спектакля, – сказала Джо, расхаживая взад и вперед по комнате с заложенными за спину руками. – Давайте прямо сейчас проведем репетицию. Эми, иди сюда, разыграем еще раз сцену, где ты падаешь в обморок, а то у тебя в ней такой вид, словно ты аршин проглотила.

– Я никогда не видела, как падают в обморок, а грохаться плашмя, как ты, и набивать себе шишки не собираюсь, –

возразила Эми, которая получила роль главной героини лишь потому, что была маленькой и злодей в пьесе мог утащить ее за кулисы.

— Сделай так: сцени руки и, шатаясь, отступай и отчаянно кричи: «Родриго! Спаси меня!» — И Джо продемонстрировала этот маневр с воплем, от которого дрожь пробирала до костей.

Эми последовала ее примеру, но при этом двигалась резкими толчками, а ее «О-о!» наводило на мысль скорее об уколе булавкой, чем о душевных муках. У Джо вырвался стон отчаяния:

— Бесполезно! Если публика будет смеяться, меня не вини. Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло гладко: дон Педро, отец героини, бросил вызов миру в речи длиной в две страницы; волшебница Хейгар пропела заклинания над кипящим котелком, полным ядовитых жаб; Родриго, главный положительный герой, решительно разорвал в куски свои цепи, а Гуго, главный злодей, с леденящим кровью «ха, ха, ха!» умер в мучениях, вызванных отравой и угрызениями совести.

— И как это тебе удастся сочинять такие замечательные пьесы, Джо? Ты настоящий Шекспир! — воскликнула Бесс, когда мертвый злодей поднялся и сел, потирая ушибленные локти.

— Ну, не совсем, — отвечала Джо скромно. — Моя опера «Проклятие волшебницы» неплоха, но хорошо бы поставить «Макбета». Мне всегда хотелось исполнить роль убийцы. «Кинжал ли вижу пред собою?» — пробормотала Джо, дико вращая

глазами и судорожно хватая руками воздух, как это делал знаменитый трагик, которого она видела однажды в театре.

— Нет, это всего лишь вилка для поджаривания хлеба, а вместо хлеба на ней мамина туфля! — воскликнула Мег, и репетиция закончилась общим взрывом хохота.

— Как это приятно, что я застала вас такими веселыми, девочки мои, — раздался у дверей радостный голос; и все обернулись, чтобы приветствовать высокую женщину с ласковым взглядом и приятным выражением лица. Несмотря на скромную одежду, вид у нее был благородный, и девочки считали, что под простым серым плащом и немодной шляпкой скрывается самая замечательная мама на свете.

— Ну, дорогие мои, как вы поживали без меня сегодня? У меня было много работы — мы готовили рождественские посылки для армии, так что я не смогла прийти домой на обед. Кто-нибудь заходил, Бесс? Как твой насморк, Мег? Джо, у тебя такой усталый вид. Поцелуй меня, Эми, крошка.

С этими расспросами миссис Марч сняла мокрый плащ и шляпку, надела теплые туфли, села в удобное кресло и привлекла к себе Эми, готовясь провести самые счастливые часы своего полного трудов и забот дня. Девочки засуетились, стараясь — каждая по-своему — сделать все для ее удобства. Мег накрывала на стол, Джо принесла поленья для камина и расставляла стулья, с грохотом роняя и переворачивая все, к чему прикасалась, Бесс деловито сновала между кухней и гостиной, а Эми сидела сложа руки и давала всем указания.

Когда все уже сидели за столом, миссис Марч сказала с особенно счастливым выражением лица:

— У меня есть чем угостить вас после ужина.

Быстрые улыбки словно солнечный луч пробежали по лицам.

— Письмо! Да здравствует папа! Быстро доедаем — и все! Хватит тебе, Эми, сгибать мизинчик и жеманиться над тарелкой! — закричала Джо, в спешке заглывая чай и роняя хлеб маслом вниз на ковер.

Наконец все были готовы и сели поближе к огню: мама — в большом кресле, Бесс — у ее ног, Мег и Эми уселись с двух сторон на ручках кресла, а Джо прислонилась сзади к спинке, чтобы никто не увидел ее слез, если письмо окажется трогательным. В письме мало говорилось о каждодневных трудностях и опасностях. Это было бодрое послание с яркими описаниями солдатской жизни, и лишь в конце сердце автора переполнялось отцовской любовью и тоской по оставшимся дома дочкам:

«Поцелуй их за меня и скажи им, что я думаю о них днем и молюсь за них ночью. Я знаю, они помнят все, что я говорил им, и останутся любящими и заботливыми, будут честно исполнять свой долг, упорно бороться со своими внутренними врагами и побеждать их так решительно и красиво, что, когда я вернусь к ним, я смогу еще глубже любить моих маленьких женщин и гордиться ими».

Все вздохнули, когда прозвучал этот отрывок письма. Джо не стыдилась огромной слезы, скатившейся на кончик носа, а Эми спрятала лицо на плече у матери и всхлипнула:

— Я такая себялюбивая! Но я постараюсь стать лучше.

— Мы все будем стараться! — воскликнула Мег. — Я слишком много думаю о моей внешности и не люблю работать, но впредь этого не будет.

— Я постараюсь стать той «маленькой женщиной», какой он хочет меня видеть, и исполню мой долг дома, вместо того чтобы мечтать о военных подвигах, — сказала Джо, думая при этом, что владеть собой, оставаясь дома, окажется для нее куда более трудной задачей, чем встретиться лицом к лицу с одним или двумя мятежниками-южанами.

Бесс не сказала ничего, она просто утерла слезы синим солдатским носком и принялась вязать изо всех сил, чтобы, не теряя времени, начать исполнять свой долг.

— Помните, как мы играли в «Путешествие пилигрима», когда вы были маленькими? — спросила миссис Марч. — Я привязывала вам на спину мешочки с лоскутками вместо котомок, давала вам шляпы, палки и бумажные свитки с напутствиями и отправляла вас в путешествие из погреба, который был Городом Разрушения, на крышу, где из разных красивых вещей мы создавали Небесный Город*.

* В основу этой игры лег сюжет религиозно-дидактической поэмы английского писателя и проповедника Джона Беньяна (1628 – 1688) «Путешествие пилигрима» (1678), излагающей историю тяжкого пути Христиана, героя поэмы, к Небесному Городу, куда он отправляется, убедившись, что город, в котором он жил до сих пор, — Город Разрушения — обречен на гибель. Упоминаемые далее Прекрасный Дворец, Ярмарка Тщеславия, Долина Унижения — места, куда попадает на своем пути Христиан.